

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ульяна Соболева

ЛЮБОВНИЦА ПРЕЗИДЕНТА

Ульяна Соболева
Любовница Президента
Серия «Президент», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65589142

SelfPub; 2023

Аннотация

Я продала себя сама. Ему, незнакомцу, который остановился проездом в нашей провинциальной гостинице в ненастную ночь. Но я не подозревала, кем именно окажется мой покупатель. Продала свою девственность и красоту за возможность сбежать от нищеты и издевательств мачехи с отчимом. Теперь я содержанка самого влиятельного человека в стране. А на самом деле я всего лишь вещь. Без права на любовь, материнство и свободу. Когда я ему надоем, то меня просто убьют. ХЭ. Герой с огромной властью. Очень жестокий герой. Любовь по принуждению. Альтернативная Россия. Первая книга – «Содержанка для президента»

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Ульяна Соболева

Любовница Президента

Пролог

Мир катят те, кому на это хватает ума и сил, а остальные бегут следом и спрашивают, куда же он катится, вместо того чтобы потеть и толкать с остальными

(с) Ульяна Соболева. Пусть любить тебя будет больно

Яхта отплыла, и я чуть не разрыдалась, понимая, что была в шаге от спасения.

Через несколько минут мы оказались на корабле. Нас увели в одну общую каюту. Всем руководила молодая и красивая женщина. Она говорила на русском языке с легким акцентом. Представилась Лаурой.

– Вас вызовут по одной. Выйдите на сцену. Покрутитесь у шеста. Снимите одежду под музыку. Показываем грудь, попу. Другие места не надо. Пососите пальчик, похлопайте ресницами, поиграйтесь сисями. Чтоб было эротично и сексуально. Кому-то нужно для настроения? – помахала пакетиком, и к ней потянулись руки. Она, улыбаясь, раздавала наркотики и гладила девочек по голове.

– Мои кошечки. Давайте, подзарядитесь. Дяди распалят-

ся, и их надо будет сразу же ублажить. А у меня самые улыбочивые малышки.

Рыжая тоже взяла пакет. Насыпала порошка на тыльную сторону ладони и, закрыв одну ноздрю пальцем, втянула белый порошок.

– Кааайф, – закатила глаза, запрокинув голову, – давно такого чистого не нюхала. На. Нюхни и расслабься. Это кокс. Отпустит сразу.

– Не надо. Наркота не мое!

Оттолкнула ее руку и села на кожаную скамейку.

– Ну смотри, твое дело. Будешь там скованно вертеться, не купит никто. Они любят поразвратней. Чтоб обслужила по полной. Ты ж не целка.

Я отвернулась от нее и облокотилась лбом о прохладную обшивку.

– Ты! Кислую рожу оставь дома. Улыбайся мне, поняла?

Женщина, которая раздавала наркотики, как конфеты, взяла меня за подбородок. Как она сказала ее зовут? Лаура?

– Не испорти мне аукцион. Не то я испорчу всю твою никчемную гадскую жизнь! Выйдешь под номером пять. На. Прицепи на бретельку пеньюара.

Я автоматически взяла номер и приколола булавкой к кружеву.

– Вот так. И улыбайся!

Девушки уходили по одной и больше не возвращались. С каждой минутой моя паника становилась все сильнее. Я как

будто начала осознавать, что происходит, и от этого у меня жутко захватывало дух и замирало сердце.

– Номер пять!

– Иди!

Рыжая подтолкнула меня.

– Иди, тебя вызывают. Давай! И не бойся. Если реально понравишься крутому чуваку, все зашибись у тебя будет. Поняла? Потанцуй, поулыбайся. Ты очень красивая. Слышишь? Очень! Может, и наладится все и... жизнь новая будет! Содержанкой самого президента станешь!

Я истерически рассмеялась. Хохотала, глотая слезы. Содержанкой президента....

– Надо смочь. Кроме тебя здесь о тебе больше никто не позаботится! Иди!

Меня провели по узкому коридору, застеленному ковровой дорожкой, в темное помещение, похожее на зал. Освещена только сцена с шестом, играет музыка, и голос говорит на трех языках по очереди, в том числе и по-русски.

– Номер пять. Брюнетка. Вес – 49 килограмм, зеленые глаза, белая кожа. Размер груди четвертый. Рост метр шестьдесят пять. Девятнадцать лет....

Он говорит, а меня трясет. Я никогда не представляла, что со мной такое может произойти. Мне приказывают снять пеньюар, и я как сомнамбула подчиняюсь.

– Минимальная ставка...

Я иду к шесту. Кручусь вокруг него. Трусь об него спиной

и плачу. Я не могу остановиться. У меня не получается только улыбаться. Я плачу и, как марионетка, растягиваю губы в идиотской усмешке. Снимаю лифчик.

– Ставка сделана. Время пошло.

Он озвучивает новую цену и снова дает время. Те суммы, которые я слышу, не укладываются у меня в голове. Мне кажется, что так не бывает. И такие деньги... Они безумно огромные, и в то же время человек бесценен. Его же нельзя купить.

Я хожу по сцене, и мне шикает кто-то из-за штор.

– Танцуй! Верти задницей! Что ты стала? Давай! Ставки растут!

– Невиданные суммы! У нас осталось всего два участника, господа! Остальные сошли с дистанции! Пусть наша девушка снимет трусики! – продолжает голос на трех языках. И русский из них второй.

– Давай! Раздевайся! – шипят мне, и я стаскиваю трусики дрожащими руками.

– Обалдеть! У нас самая высокая ставка за время существования аукциона! Предложена для того, чтобы наша русская красавица оставалась в трусиках. Итак! Я считаю до трех! Раз...два...три...! Продана!

Ничего более жуткого я никогда в своей жизни не слышала. Меня продали. Неизвестно кому за огромные деньги! Я больше никогда не стану свободной! И самое жуткое – КТО МЕНЯ КУПИЛ?

Глава 1

Молчание дается труднее всего, особенно когда хочется кричать, говорят, это самое сильное психологическое насилие, а я бы назвала это высшей точкой мазохизма.

(с) Ульяна Соболева. Пусть любить тебя будет больно

Меня куда-то везли. В джипе. Точнее, в багажнике этого джипа. Я лежала там со связанными руками и ногами и с кляпом во рту. Машину трясло на ухабах, я слышала голоса мужчин, говоривших на чужом языке, точнее, на нескольких языках. Мычала и билась внутри, но меня как раз никто не слышал. Или делали вид, что не слышат. В какой-то момент я поняла, что в машине сменился водитель. Кто-то другой сел за руль, так как прежний постоянно пел и слушал радио, а этот ехал в полнейшей тишине. Потом звуки стихли, даже звуки улицы, а внутри становилось все жарче и жарче, как будто меня посадили в духовку и постепенно поднимали градусы. Все выше и выше, выше и выше. Пока стало совершенно невыносимо, и от жажды не пересохло в горле. Я хотела закричать, но именно в этот момент машина остановилась. И стало еще страшнее. Я затаилась и задержала дыхание.

Багажник открыл человек в маске. Он наклонился, словно рассматривая меня. Из-за яркости солнца я видела только силуэт. Жуткий незнакомец выдернул меня изнутри, и я

с ужасом увидела, что мы находимся в пустыне. Вокруг одни барханы из песка, пугающая желтизна и ярко-синее небо с безжалостным, палящим солнцем в зените. Оказывается, солнце может напугать до дрожи во всем теле. Мне почему-то показалось, что именно оно и станет меня казнить. Если только раньше этот человек не расправится со мной.

Меня грубо вытащили из машины за шкурку и швырнули перед собой. Я начала быстро отползать назад, пытаюсь заслониться от лучей и рассмотреть своего мучителя.

– Кто вы? Зачем я вам? Зачем мы здесь?

Мужчина молчал, и я совершенно не видела его лица. Черная маска с прорезями для глаз и темные очки делали его похожим на манекен. Огромный и жуткий. А солнце слепило меня так, что весь его силуэт казался мне черным пятном, нависшим надо мной, и вдруг я поняла – он меня действительно здесь убьет и бросит мое тело гнить в этих песках.

– Вы меня убьете? Да? Убьете?

Но жуткая тень показала мне жестом раздеться. Я отрицательно качнула головой, и тогда он просто разодрал на мне всю одежду. В лохмотья, на куски. Методично и как-то равнодушно безжалостно сдирал кусок за куском, пока не оставил на мне даже ниточки. Я уже не кричала. Меня сковало, как будто я вся застыла от панического ужаса. Такого лютого страха я никогда в своей жизни не испытывала. Неужели меня купили за такие огромные деньги, чтобы убить в пустыне? Или это такой ритуал у этого маньяка?

Совершенно голой он связал мне руки и привязал другой конец длинной и прочной веревки к машине сзади под багажником, а потом просто сел за руль и поехал. Достаточно медленно, чтоб меня не поволокло по песку, и достаточно быстро, чтобы мне пришлось бежать вслед за машиной.

Он сумасшедший. Я попала в руки к чокнутому психу, и он...он просто заставил меня бежать по пустыне вслед за машиной. Вначале это было не так уж и сложно, но потом солнце, усталость и жажда начали сводить с ума. Не знаю, сколько времени я вот так бежала. Но ничего более унижительного и жуткого со мной никогда не происходило.

Если вы считаете, что холод – это страшно, то вы ошибаетесь. Нет ничего ужаснее изнуряющей, монотонно жгучей жары. Когда сам воздух плавится и становится горячим, когда ноги вязнут чуть ли не в кипящем песке, а кожа краснеет и печет, потому что ее обожгло безжалостными лучами.

И жажда, она подкрадывается очень медленно, неумолимо. Вначале просто сухостью во рту, потом начинает драть в горле и болеть в груди, а потом вам просто хочется начать жрать песок, лишь бы избавиться от этих мучений.

У меня отнимались последние силы, чтобы не думать о воде, я думала о чем угодно. Я вспоминала свое знакомство с Айсбергом, я вспоминала маму и детство и неумолимо бежала за машиной все быстрее и быстрее. Чтобы догнать окно и закричать, что хочу пить, что я согласна на все, лишь бы меня отпустили, лишь бы весь этот кошмар прекратил-

ся. Меня тошнило от вида солнца, тошнило от вида песка. Я возненавидела все это всеми фибрами своей души.

Но ведь он не убил меня... я все еще живая, и рано или поздно это закончится. Всему рано или поздно приходит конец.

Я подбежала к окну, но оно было затонировано, и что делает внутри этот жуткий человек, мне неизвестно. Постучала, но он ударил по газам и поехал быстрее. Я закричала, упала на песок, и меня потащило животом и лицом по горячему и рассыпчатому мерзкому мареву. Песок забился мне в рот, в уши, в глаза. Я тщетно пыталась встать, и мне казалось, что проклятые песчинки забились совершенно везде и трут. До крови до мяса трут меня везде, и я вся словно напита́на ими.

Зачем он делает это? Зачем так издевается надо мной?

– Заеееем? – заорала я, и машина притормозила, давая мне возможность встать. – Зачем тебе это? Тыыыы! Бесчувственная тварь! Я хочу пить! Слышишь, я хочу пить! Когда меня найдут...ты заплатишься за это! Ты...тебя разорвут на части...мой любовник...мой...мой любимый, он президент, слышишь? Он меня ищет! И когда найдет...а он найдет, тебе отрежут яйца. Он меня ищет! Ясно тебе! Ищет!

Пока я орала, машина стояла, и я стучала со всех сил в окно.

– Пииить! Ублюдок! Я хочу пить! Дай мне воды!

В этот момент машина снова поехала.

– Урод! Ненавижууу! О божеее...пожалуйстааа! Я больше не могу, не могу идти. Я устала, у меня нет сил. Отпустите...прекратите, я согласна на все...на всеееее. Прошу...пожалуйста. Глоточек воды!

Я упала от бессилия и отчаяния на колени, меня протащило вперед, и машина наконец-то снова остановилась. Дрожащая, вся в песке, с красной обгоревшей кожей. С песком даже в горле я стояла на коленях и плакала, глядя на свои дрожащие руки, на следы от веревки и на вспухшую ободранную кожу плод ней. Наверное, я дошла до той точки дикого отчаяния, когда мне самой захотелось умереть. Пусть выйдет и пристрелит меня. Да, так будет лучше, я больше не могу, я окончательно сломлена.... Я просто хочу пить.

Дверца машины отворилась, и я увидела, как черный ботинок ступил на песок. Вздрогнула, не решаясь поднять голову. Меня всю трясло, и от дикой жажды и жары мне теперь казалось, что мне холодно, а не жарко.

Медленно мой палач подошел ко мне. Я видела, как ступают ноги по песку и оставляют следы подошв с красивым четким рисунком, как от колеса трактора.

– Значит, согласна на все?

От звука его голоса меня подбросило, и я резко подняла голову вверх.

Рука в перчатке сдернула очки и стянула маску. При виде его лица я молча закричала. Просто открыла рот, но оттуда не вырвалось ни звука.

Потому что я его узнала.

Глава 2

У каждого счастья есть определенное время. Ничто не длится вечно. Ничто не достается просто так и без жертв. На халяву. За все нужно расплачиваться. Вот она, его расплата. Непомерно высокая и болезненная

(с) Ульяна Соболева. Пусть любить тебя будет больно

– Маршировать от бедра! Я сказал, от бедра!

Отец щелкнул ремнем у самого лица маленького Петра и ткнул его затылком вперед так, что тот клюнул носом в пол огромного зала их пятикомнатной квартиры в центре города. Майор Ростислав Батурин опять был пьян. Его красное лоснящееся лицо склонилось над сыном, и он прорычал, выдыхая перегаром в огромные широко распахнутые темно-синие глаза, наполненные слезами:

– Маршировать, бл**ь! Встал, руки по швам и вперед! Ать-два! Ать-два! В Суворовское пойдешь, сученьш, там из тебя всю дурь выбьют. Танцевать он хочет, на пианино брынькать, в шахматки играть. Я те потанцую, танцор хренов, и поиграю! П*доров у нас отродясь не было!

И ударил ремнем по лицу, да так, что рассек бровь, и кровь залила висок и щеку. Петя не мог объяснить отцу, что он не п*дор и что ему девочки нравятся, а еще ему нравится

с ними танцевать. Обнимать за талию, вести в танце, управлять, кружить. Не орать «Крооооууугом! Шагом марш!», а просто танцевать, двигаться и думать. Много и очень много думать. Дед Пётр когда-то научил его в шахматы играть, и с тех пор это стало его страстью. ОН играл сам с собой, играл на школьных олимпиадах, играл с мальчишками и выигрывал. Он всегда должен был выиграть. Лучше всех танцевать, лучше всех играть на пианино, лучше всех учиться. Петя Батурин был круглым отличником и младшие классы окончил с почетной грамотой.

Но отец за каждую медаль бил ремнем по спине и по ягодицам. Бил с такой силой, что оставались шрамы. Жаловаться некому. Мать всегда принимала сторону отца, с надменным видом поджимала тонкие губы, вздергивала острый подбородок и говорила:

– Ты – пацан, а пацанов воспитывают отцы. Я в твое воспитание лезть не собираюсь, а сопли вытирать тоже не думаю. Так что соберись и делай, как говорит отец.

Бабка, когда жива была, рассказывала, что Алька хотела дочку, а родился он. С множеством разрывов, с кровотечением, ее спасали несколько суток. После его рождения ей удалили матку, и детей она иметь не могла...за что «обожала» единственного сына, оставившего ее бездетной.

– Если бы не ты...у меня были бы еще детки, я бы родила себе маленькую девочку, куколку...или еще сыновей. А так ты...со своей идиотской квадратной головой разорвал меня

всю. Я еще жалеть тебя должна? Кто б меня пожалел?! Выдали за Ростю...и не спросили, а я терпи всю жизнь, и тебя терпи!

Ее не смущало говорить это четырехлетнему малышу, который прибегал к ней со ссадинами и шишками, чтобы мать пожалела, а взамен получал подзатыльник, чтобы не смел реветь. Для него ее холодный взгляд был хуже майорского ремня. С какой искренней завистью маленький Петя смотрел, как матери других сыновей провожают их в сад или в школу, целуют в щеку, дают с собой бутерброды, ласково говорят «сыночек». Его в лучшем случае называли «Петька», а в худшем – «кусок дерьма». И он все свое детство пытался доказать, что он не кусок дерьма, что его есть за что любить...что его можно любить. Он не Петька....Ничего, когда-нибудь он вырастет, и они все станут его бояться. Придет день, и все узнают, кто такой Петр Батурин!

А отец бил, чтоб не зазнавался и на него свысока не смотрел.

– Щенок ты еще, на батю свысока поглядывать. Учишься хорошо? Молодец! Но это не твоя заслуга, а МОЯ! Я – майор советской армии Ростислав Петрович Батурин! Они меня боятся и ставят тебе хорошие оценки, а ты тупой и никчемный кусок дерьма! Ты сам никогда и ничего не добьешься! Без меня ты – ноль без палочки!

Его отдали в военное училище после третьего класса. Он принял клятву суворовца и понял, что теперь на самом де-

ле родителей у него как бы и нет. Впрочем...в какой-то мере это избавило его от вечных побоев. На медосмотре врач только и цокала языком, а вторая приговаривала.

– Это ж сын майора Батурина...ну сама понимаешь, а он с Васенковым – лучшие друзья. Так что молчи лучше.

– Так на нем места живого нет. Его же избивали, я должна донести куда надо и...

– Донести она должна! Молчи, дура несчастная. Донесешь и без места останешься. Может, заслужил. Откедова знаешь. Смотри, глаза какие дикие, волчьи у него. Зыркает как.

Генерал Васенков – приближенное лицо самого президента. А дочка Васенкова вхожа в дом Батуриных и выросла вместе с Петькой. В одном классе училась. Мымристая такая, с косичками, вечно ни одну девочку к нему не подпускала и всегда рядом с ним сидела.

«Наши отцы дружат, а значит мы, как брат и сестра, и я всегда должна быть рядом». Он не хотел, чтобы она была рядом. Она его раздражала...но за ссоры с Людочкой отец снова бил. Поэтому Петя просто молча ее терпел, а целовал за школьным двором Таньку с рыжими косичками и карими глазами.

Теперь он мог забыть о Тане и о своих школьных друзьях, пребывание в училище было круглосуточным, а режим, как в армии: в 7 утра – подъем, зарядка, умывание, завтрак, после чего 6 часов занятий, затем обед, личное время, выполнение домашних заданий, ужин и отбой.

Все предметы точно такие же, как и в школе в обычной, но еще и военная подготовка и...его любимые танцы, а также культура, этикет и многое-многое другое. Все остальное, как в казарме. Наряды по очереди и в наказание вне очереди. В роте, по столовой, по плацу. Обычные каникулы назывались отпуском, а после первого курса все уезжали в летний лагерь.

Вначале Петьку чмырили, даже пытались бить. У них свой костяк образовался, и Петьке там было не место. Вожак – Костя, все его приколистом называли. Он и женщин с дерьмом мешал, и девочек бил. Та еще тварь. Взялся на Петра за то, что тот всегда и везде первый. Подбил темную ему устроить. Устроили. Избили. А когда Петька с лазарета вышел, то первым делом на футбольном поле подошел к Приколисту и...откусил ему нос. Завалил на землю, придавил и изо всех сил впился зубами в переносицу.

Нос так и не пришили. Приколист остался без носа в прямом смысле этого слова. Петьку отмазал отец. Наконец-то сделал то, в чем так долго и упорно упрекал своего сына. Но зато Батурина не просто боялись, теперь его обходили десятой дорогой. Ему даже кличку дали Сатана.

В выходные курсантов отпускали домой, но Петя обычно оставался в казарме. Домой ему ехать не хотелось. Месяцами без ремня жилось весьма и весьма неплохо. Но иногда все же приходилось выезжать...

Ему тогда исполнилось шестнадцать, он поехал домой, и это был первый раз, когда Петр перехватил отцовскую руку

с ремнем и заломил ему ее за спину.

Лицо майора побагровело, потом позеленело, а через секунду он упал и потерял сознание. Инсульт. Парализовало половину тела. Естественно, во всем был виноват Петька. Кусок дерьма, осмелившийся поднять руку на отца, а не водка и лишний вес.

Бить отец перестал...физически, зато прекрасно бил морально. И когда поступил в военный университет Министерства обороны, и когда закончил с отличием, и когда первое звание получил. Неизменно оставался куском дерьма.

Потом, когда отец умер, он так и остался куском дерьма для Алевтины Ивановны. Не сыночком, не Петенькой, а Петькой или кусок дерьма.

А он...он ее любил. Потому что больше некого было любить, потому что не знал, что любовь бывает другой. Она была единственной, кого он любил на самом деле всю свою жизнь...пока не увидел в одной вонючей гостинице девочку с огромными зелеными глазами и черными косами.

Но это случится намного-намного позже. Вначале мать заставит его жениться на дочери Васенкова – Людмиле. Той самой Людмиле. И благодаря этому браку Петя получит новое звание, а потом и станет тем, кем всегда хотел стать – ХОЗЯИНОМ всех этих...кто смели называть его «куском дерьма».

Глава 3

Мне казалось, что все, что происходит сейчас вокруг, не может быть реальностью. Не может. Так, будто ты находишься в каком-то гребаном зеркальном лабиринте, липкой паутине, мечешься, бежишь куда-то, суетишься, но все это – чья-то изощренная и тщательно продуманная игра. Игра человеческими жизнями. А мы, как пешки, снуем по этим коридорам, комнатам без окон и с сотней выходов, не зная, куда свернуть и что нас ждет в следующую секунду.

(с) Ульяна Соболева. Паутина

Кузьмин заподозрил неладное с самолетом еще до того, как объявили о поломке. Предложил ехать в гостиницу на других машинах, а на самолете полетит дублер, так сказать. Заодно проверит – поломка случайная была или... Для «или» существовали обученные люди, готовые заменить главу государства в любой момент и в любом месте.

А они с Александром поехали с минимальным штатом охраны в местную гостиницу, где, как сказал Кузьмин,мышь не пробежит без его ведома, и где он знает каждую подворотню.

Это было забавно вдруг оказаться в мире простых смертных, ехать проселочными дорогами, понимать, что тебя ждут далеко не самые лучшие условия, а еще ощущать смертель-

ную усталость.

Допинг закончился, батарейки сдохли, и он просто хотел расслабиться. НЕ оглядываться по сторонам, не смотреть на начальника личной безопасности. Быть самым обыкновенным человеком. Оказывается, иногда этого чертовски не хватает.

– Гостиница местечковая местного олигарха. Вас вряд ли узнают сразу, а если и узнают, охрана будет проставлена со всех входов и выходов. Останетесь на ночь. Утром будет второй самолет, на том, что был в ремонте, не полетите.

– Кузьма, мне по хрен. Я устал. Займись этим сам. Я голоден и хочу спать.

Кузьмин притих и тут же заткнулся. Перечить Хозяину нельзя. И смотреть на него, когда у него вот такое херовое настроение, тоже нельзя. Лучше заткнуться и делать, как сказал. Ему главное, чтоб в безопасности был, а поломка двигателя перед самым вылетом Кузьму сильно напрягла.

В случайности он не верил. Никогда. Поэтому всегда есть план «б», и план «г», и даже «д». Пока что хватило и плана «б».

Петр хотел только одного – поужинать и лечь в постель. Снова начиналась предвыборная гонка, до конца срока оставалось менее года. Опять поездки, реклама, встречи, пресс-конференции. Этот срок должен быть его и только его. По предварительным данным Батурин лидирует, и так и должно оставаться. Сейчас начнется...Рытвин стучит копытом и

гребет под него, местная олигархатня пытается пресануть и вложиться в конкурентов, хер его знает, кому верить, а кто засланная или перевербованная крыса.

И скосить всех одним махом нельзя. На него слишком пристально смотрят...Пока нельзя. Но головы полетят. Постепенно и по одной эти головушки красиво будут скатываться в братскую могилу, которую он им подготовил.

Пиликнул сотовый. Смс от Люды.

«Когда ты прилетишь? Мне сказали, ты другим рейсом. Все хорошо?»

«Все отлично. Ложись спать»

И отключил сотовый совершенно. Последнее время начала раздражать чрезмерной заботой. Обычно он всегда терпел. Привык за столько лет. Вымуштрованный, вышколенный, никогда и ни одной эмоции. Все в себе. Бывало, трахнет ее, лежит рядом и в потолок смотрит. А она ляжет к нему на плечо и тихо так говорит:

– Сколько лет живу с тобой, Петя, так и не знаю, о чем думаешь, чем дышишь, что любишь. Так и не стала тебе родной.

– Спи. Я тебя пять минут назад трахал так, что куда роднее.

– Машинально...долг исполнял. Как всегда, по чертовым проклятым пятницам, с презервативами.

– Я больше не хочу детей, Люда. Нам хватит двоих. Нам бы хватило и одного. Мне бы хватило. Все. Я устал и хочу

спать.

– Ты бы хотел... а я, чего хочу я. Почему ты никогда не спросишь?

Не глядя на нее, закинув руки за голову отрезал:

– А ты, Люда, хотела стать моей женой и первой леди страны. Ты стала. Большого я тебе не обещал.

– Ты мог бы... за столько лет хотя бы немножко меня полюбить.

– Не мог бы. Ты сама знаешь. Все. У меня завтра поездка на Север, встреча с шахтерами вживую. Мне туда херову тучу часов лететь, а ты решила выяснить отношения. Я плохо тебя отымел? Мало? Стань раком, я отымею еще раз.

– А у тебя встанет? – зло спросила она.

– Если хорошо отсосешь – встанет.

– Ненавижу тебя.

Вскочила с постели и выбежала из их общей спальни, а он наконец-то спокойно уснул. Сосать Люда не умела и не любила. Сосала плохо, член никогда не заглатывала, а только лизала, как мороженое. Обычно не всегда ставил ее на четвереньки, пристраивался сзади, закрывал глаза, представлял порно-звезду или абстрактных шлюх и драл ее долго и умело, подергивая за клитор так, как она любила, двумя пальцами. Она кончала, он тоже, и на этом пятничный марафон заканчивался.

Он бы ее и не трахал... давно мог не входить в ее спальню, но надо было. Кузьма советовал вести такой образ жизни.

ни, чтоб ни одна тварь не придралась. Чтоб семьей выглядели красивой, крепкой, чтоб якобы любили друг друга. А для этого баба должна быть оттраханной. «У оттраханной бабы, Хозяин, взгляд другой. Как у сытой самки. А сытую самку народ чует за версту. А если муж имеет, значит самец, альфа, значит может и стаей править.»

Помимо Люды он иногда находил себе...Точнее, Кузьма ему находил. Неболтливых, тихих, готовых на все. Если много разговаривали, им закрывали рты навсегда, а правильным и умным выплачивали такое пособие, что рты у них сами на замках держались.

Обычно одна такая всегда ехала с ним в поездку. Не вместе, конечно, а под видом секретаря, стюардессы, переводчицы. Ночью он ее драл так, что перья летели во все стороны, а утром она куда-то испарялась. Были и постоянные. Кто задерживался на пару дней-неделю. Для таких и существовал загородный дом.

Ему нравилось везти их именно туда...где ОНА правила царством. Где у НЕЕ все было под контролем, и она всегда считала, что контролирует и его жизнь тоже. Когда ему есть, что есть, когда и во сколько спать. Она привезла его к Эллен и оставила там на неделю, чтобы ее престарелая подружка трахала ее сына и учила премудростям в сексе. Чтобы даже его первая женщина была той, кого нашла ему великая и непревзойденная Алевтина.

– Ты влюбишься в Эллен. Все мальчики влюбляются в

своих первых женщин.

Она ошиблась. Он не влюбился. Он использовал. Он отработал на этой старой шлюшке, которую тем не менее весьма уважал, все извращенные способы секса. Он порол ее, он трахал ее в зад, в рот, трахал вместе с однокурсником, дарил своим друзьям на день рождения, а потом...потом он ее выкупил и оставил себе. Но уже не для того, чтобы трахать, а для того, чтобы она была рядом...ведь эта старая сучка преданно и беззаветно его любила. Она, пожалуй, оказалась единственной женщиной, которая смогла полюбить Петю...Она называла его ласково Пьер и всегда, абсолютно всегда была ему рада...и взамен...взамен он привык к ней, он даже начал в ней нуждаться, и он всегда и неизменно заботился о ней, а она...она заменила ему мать. Потому что во многом оказалась лучше ее.

На каком-то этапе его преданная и фанатичная любовь к матери превратилась в жгучую ненависть. Говорят, нет любви сильнее материнской и сыновьей...так вот, и ненависти сильнее тоже нет. Она умирала в одиночестве. Он не приехал ее проведать, не приехал попрощаться и на похоронах пробыл всего десять минут. После ее смерти он оттрахал на ее постели проститутку, утром вышвырнул все ее вещи, а все альбомы с фотографиями спрятал к такой-то матери в дальний шкаф.

Если женская любовь именно такая, то видел он ее в гробу вместе с Алевтиной Батуриной.

Но любовь оказалась иной... Нет, она оказалась не просто лицемерной и лживой тварью, она оказалась подлой и коварной сукой с длинными черными волосами и огромными зелеными глазами.

Она вошла к нему в номер с подносом и... и предложила купить ее тело.

Это было молниеносно. Примерно так же человека прошибает пулей прямо туда, где дергается тот кусок мяса, который врачи называют сердцем. Он ощутил примерно то же самое, когда она вошла и тихо, но очень нагло сказала:

– Купите меня, пожалуйста. – нервно дергая пуговицу на платье. На ней было идиотское платье, безвкусное, какого-то выцветшего оттенка, но ему хватило только звука ее голоса и просто одного взгляда, чтобы ощутить, как вздыбился член и запульсировало в висках непреодолимое **ХОЧУ ЕЕ СЕЙ-ЧАС**. Купить, украсть, увезти, раздавить, смять, ломать. Все **ХОЧУ**.

– Я хочу уехать с вами.

Он смотрел на нее и осознал, что с ним происходит что-то до отвращения сумасшедшее, его охватывает лихорадочной дрожью. Он должен ее увезти. Словно ему поднесли нечто очень дорогое, нечто соблазнительно-сумасводящее и предложили разодрать это на части за копейки.

Разодрать за то, что смотрит на него, как на мешок с деньгами. Смотрит наивно, но очень цинично. Маленькая, красивая и такая дешевая шлюха со смазливой рожей. Его пе-

редернуло от презрительного отвращения и одновременно от едкой и неуправляемой волны похоти. От ощущения собственной запредельной власти, ему еще никогда вот так нагло себя не предлагали. И он захотел взять. Все, что она могла бы и не могла бы ему дать.

А ведь боится, чувствует, как в нем просыпается зверь, чувствует, как растет алчность внутри его тела и как начинается жечь глаза от адского желания.

Смотрит на него...своими чертовыми, яркими зелеными глазами. Сочными, как весенняя листва под дождем.

Увидела обручальное кольцо... Ну что, насколько ты алчная маленькая сучка? Тебя это остановит? Покраснела, но не отступает, а он смотрит, как этот румянец заливает алебастрово-белые щеки, тонкую шею, ключицы, и дрожит. У него кончики пальцев нервно подергиваются. Представил, как сдерет с нее одежду, и еле сдержал хриплый стон.

– Отчим продаст меня Чумакову за документы на водоем. Продаст старому, женатому мужику в содержанки сегодня ночью.

– И?

Он хотел, чтобы она молчала, чтобы перестала разрушать это дикое очарование собой, чтобы не мешала, не портила этот момент осознания...что вот оно. То самое. Бешеное, адское, первобытное. Вот оно стоит перед ним и называет гребаную цену за счастье, и он готов заплатить.

– Купите меня у отчима. Я хочу принадлежать вам, а не

Чумакову. Вы можете. Я знаю.

Хренов сутенер этот отчим. Уже завтра паршивую собаку вышвырнут из города, а гостиницу продадут. А второй, как там его... Чумаков? Решил купить себе девочку... из него самого сделают девочку на зоне. За что упрятать, Батурин придумает. У таких всегда найдется вагон причин сесть за решетку.

– Почему я, а не тот? Чем я отличаюсь?

Пробил Чумакова по базе в ноуте и ухмыльнулся. Потом снова посмотрел на нее, и дух захватило, стиснуло внутри ребра и больше не отпускало. Как очаровательно она краснеет. Даже кончики ушей стали красными, а у него член уперся в ширинку, и яйца поджигает от бешеной похоти. Он словно не трахался сотню лет.

– У вас больше денег и вы моложе. А еще вы можете увезти меня отсюда.

– И? Что ты будешь делать дальше? У тебя есть, к кому пойти в столице? Есть деньги?

– Нет. У меня никого нет, денег тоже нет. Я хочу жить за ваш счет.

Оооо...за его счет ей придется не просто жить. За его счет ей придется стать для него домашним ковриком. И на контрасте – отвращение к маленькой проститутке и жгучая страсть. Он с упоением представляет, как будет покрывать этот коврик и подминать под себя. Она никуда не убежит...она будет всецело его.

Сказала с вызовом и слегка вздернула подбородок.

– Почему ты вообще решила, что я нуждаюсь в твоих услугах?

И сам прекрасно понял, что нуждается. Если не хуже...она ему необходима, чтобы ощутить это чувство срыва в бездну и то, как Сатана внутри довольно прогибает спину и скалится. Он почуял жертву.

– Зачем ты мне? Я могу купить кого-то намного лучше тебя.

А сам понимал, что нет, не может. Что до сих пор до этого дня не видел никого лучше...Разве что однажды, давно. У нее тоже были длинные черные волосы и зеленые глаза...но тогда его так не пронизало как сейчас. Тогда всего этого он не ощутил. Ему нравилось словесно давать ей пощечины, нравилось, как заливалось краской ее лицо. А еще ему до безумия нравилось, что в отличие от всех – эта девочка не знала, кто он такой. Не притворялась, что не знает, а именно не знала. Он не видел в ее глазах суеверного страха, не слышал в ее голосе дрожи. Она если и боялась его, то, скорее, как незнакомого мужчину.

– Я красивая, со мной не скучно, я умею быть покорной и угождать.

– Не льсти себе. Таких по стране миллионы. Чем ты отличаешься от них?

Отличается всем. И этими ненакрашенными огромными глазами с длинными черными ресницами, и этими бровями

вразлет, нетронутыми косметикой, и этими пухлыми по-детски изогнутыми коралловыми губами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.